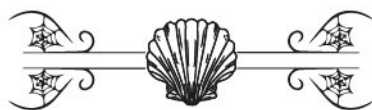

СЬЮЗЕН С. УИЛСОН

ЕЛЕНА
ТРОЯНСКАЯ.
ВОЗМЕЗДИЕ

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
У36

Susan C. Wilson
HELEN'S JUDGMENT
Copyright © Susan Wilson, 2024
All rights reserved

Настоящее издание выходит с разрешения *Randle Editorial & Literary Consultancy*
и *The Van Lear Agency LLC*

Перевод с английского Елены Алешиной
Серийное оформление Татьяны Гамзиной-Бахтий
Оформление обложки Михаила Корнилова

Уилсон С. С.

У36 Елена Троянская. Возмездие : роман / Сьюзен С. Уилсон ; пер.
с англ. Е. Алешиной. — М. : Иностранка, Издательство АЗБУКА,
2026. — 512 с. — (Новая готика).

ISBN 978-5-389-28400-5

Кто она — бессмертный символ красоты или женщина, заплатившая
неслыханную цену за дар богов? Роман «Елена Троянская. Возмездие»
срывает позолоту с мифа, показывая истинное лицо женщины, чье имя
стало проклятием.

Еще вчера дочь спартанского царя грезила о простом женском сча-
стье — встретить героя и полюбить его всем сердцем. Но судьба распо-
рядилась иначе: отца затравили до смерти, а Елена стала разменной
монетой в грязных играх микенского владыки Агамемнона. Доставшись
в жены доброму, но нелюбимому Менелаю, она задыхается в золотой
клетке брака, где материнство в тягость, а дом — не убежище, а тюрьма.

Но когда тоска стала непереносимой, появился он, Парис, прекрасный
троянский царевич, — воплощение ее мечты. Не в силах сопротивляться,
Елена отдалась на волю чувств, и что же?.. Вместо того чтобы подняться
на вершины любви, несчастная окунулась в омут отчаяния: блестящий
возлюбленный оказался фальшивкой, а ее подвиг во имя любви — роко-
вой ошибкой.

Сьюзен Уилсон, подарившая миру «Мечь Клитемнестры», вновь ожив-
ляет Античность, превращая легенду в пронзительную историю о цене сво-
боды и предательстве надежд.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-28400-5

© Е. О. Алешина, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

Пусть даже человек взрастил в своем жилище львенка, лишив его, алкавшего, материнского молока. И хоть в начале жизни звереныш ласков был, проявлял добродушие к детям и вызывал восхищение стариков. И пусть, младенцу подобно, на руках его носили, а он, проголодавшись, ясный взор к руке, его кормящей, обращал и ластился.

Но вырос он и проявил доставшееся от родителей природное естество. В ответ на пестования устроил пир непрошенный с гибельной резней скота; и дом убийством осквернен, и те, кто жил там, в кровавой бойне не избегли растерзания. А душегуб был выкормлен по воле богов здесь же, в доме.

Эсхил. Агамемнон

Смотрите же, как люди возлагают вину на богов за то, что есть не что иное, как их собственная глупость.

Гомер. Одиссея

ГЛАВА 1

Здесь, в земле, холодно. Вокруг лишь невнятно бормочут мертвые. Они мельгешат в темноте, словно воробьи, только в птичьих порханиях и щебете заложен хоть какой-то смысл.

Сколько я уже пролежал здесь? Лето с зимой? Или сменилось целое поколение? Те, кто живет над землей, все еще помнят меня. Их либации вином, медом и кровью просачиваются сквозь почву и придают моей тени сил. Точно ли я не буду забыт? Люди называли меня богоподобным Ахиллесом — величайшим воином всех времен. Но богов устают почитать, и их алтари предают забвению. Если такая участь постигнет меня, то те долгие годы, что я промучился на Троянской равнине, сражаясь ради других, прошли зря.

Мы, ахейцы, отдали свои жизни на поле брани, стали пищей для рыщущих в поисках падали псов да терпеливых стервятников. Я шел на Трою не ради наживы. Упрочить репутацию, подтвердить свою доблесть, снискать еще больше уважения в глазах товарищей была моя цель. Вечная слава — единственная достойная награда за гибель на поле брани, единственное имеющее смысл бессмертие. Без нее мы томимся, как забытые призраки, что толкуются возле меня, алча либаций и жертвоприношений, которых не будет.

В юности наставники учили меня, что славнейшие воины получают величайшие почести. На продуваемой ветрами Троянской равнине я понял, что это ложь. Я узнал, что

люди завистливы, как боги, которые преследуют слишком высоко забравшихся смертных.

Послушайте, и я спою вам песнь об этом прозаическом прозрении — убийственном и тягостном. Зажгите факел, дайте мне ощутить тепло его пламени. В загробном мире тяжело без света. И что еще хуже — мне придется обходить-ся без лиры, поскольку никто не подумал сжечь ее вместе с моим телом. Но самым талантливым певцам аккомпанемент не нужен, а я был благословлен музами не меньше, чем богами войны.

Эта песнь создавалась на протяжении долгих лет и соткана из нитей многих историй, переплетающихся с моей собственной. В ней звучат голоса мужчин и женщин, молодых и старых, ахейцев и троянцев. Исполняя ее, они корчились и раскачивались. Хлопали в ладоши и притопывали ногами. Кружились до упаду.

Первый удар кимвала прозвучал за годы до того, как разразилась война. Песнь впервые зазвучала в Трое и началась с царицы.

* * *

Постоянно пребывающая на сносях Гекуба сидела на родильном стуле, вцепившись в плечи поддерживающих ее с обеих сторон женщин. Мало кто из мужчин видел такое зрелище, кроме тех, кого музы избрали для передачи им тайных знаний.

Позабыв о своем драгоценном достоинстве, рожаящая царица вскричала:

— Он раздерет меня на части!

— Мужайтесь. Несколько потуг — и у Трои появится еще один маленький царевич, — успокоила ее повитуха.

Царица застонала, вознося короткую молитву Ослабляющей Пояса. Она сосредоточилась на ободряющих колы-ханиях подбородков повитухи и начала тужиться.

Разрывающая на части мучительная боль ушла, но царица чувствовала, что ребенок еще не появился. Видимо, наконец-то принесли облегчение священные травы. Ей больше не требовалось прилагать никаких усилий. Женщины, похоже, зря суетились. Гекуба улыбнулась, чтобы их успокоить. Открыв рот, царица произнесла:

— Мой сын уже почти здесь.

В комнате стало светло, даже слишком. Гекуба подивилась светящимся коврам и гобеленам: яркие красные, желтые и голубые оттенки. Рисунки изображали сцены материнства, запечатленные в произвольные моменты. Кто из дворцовых ткачих создал их? Надо узнать и возвысить. Толпящиеся вокруг нее женщины, похоже, не замечали лучащихся светом цветов и пульсации воздуха.

Интенсивность проявлений стала запредельной. У Гекубы защипало глаза. Тело иссушал жар. Комната наполнилась ослепительным светом.

Повитуха протянула царице головешку.

— Госпожа, ваш младенец.

Прежде, чем Гекуба успела протянуть руки к пылающей деревяшке, пол у ее ног разверзся. Сквозь щель она увидела Трою: ее башни, особняки и высокие стены. Город голосил, как женщина в родах. Крики становились все громче, множились, превращаясь в голоса сотен и больше людей. Гекуба слушала как завороженная.

Повитуха все еще нянчила пылающую головешку.

— Дай его мне, — потребовала Гекуба.

Повитуха покачала головой. И она была уже не повитуха, а девица с дерзким взглядом и волосами цвета темного вязкого меда, в яркой юбке с позвякивающими золотыми дисками и жилете, открывающем груди, — нескромный наряд ахейских женщин.

Красавица развела руки и выронила головешку в щель.

— Мой ребенок! — вскрикнула Гекуба.

Девушка захлопала в свои прекрасные ладоши и рассмеялась. Она опустилась на колени возле щели и смотрела, как головешка, вращаясь, падает на город. Кончиком пальца она повторила путь смазанного светящегося следа и прошептала:

— Троя горит.

И Троя горела, а беспомощная Гекуба на это смотрела. Город пылал до тех пор, пока от него не остались лишь основания дворца, храмов, мастерских и лачуг. Даже некогда возвышавшиеся над городом внешние стены были уничтожены. Где-то в этом пожаре в пепел обратилась и головешка.

Гекуба заплакала. Она раскачивалась на родильном стуле туда-сюда до тех пор, пока постепенно не осознала, что кто-то сжимает ее плечо. Она взгляделась в круглое сияющее лицо повитухи. Женщина совала Гекубе ребенка, царевича из плоти и крови. Липкого и теплого. Нежного и беспомощного. Гекуба коснулась прилизанных черных волосиков на голове мальчика и прижала сына к груди.

Ее муж, царь Приам, никогда не узнает о видении. Стоит ему рассказать, и он потребует толкований у своего пронырливого предсказателя — нет никого, кто бы так тревожил Гекубу. Приам едва ли слушал ее, принимая решения, но без зазрения совести отдавал себя во власть закатившего глаза ахейца. Этот истолкует все так, что не оберешься беды, наслаждаясь собственной почти безграничной властью.

— Алаксандус, — тихо произнесла Гекуба, и ее чрево снова начало сокращаться. — Мой Алаксандус.

Повитуха присела, чтобы достать послед через отверстие в родильном стуле, и сказала:

— Разве царь не Парисом решил назвать?

Приам, конечно, мог называть малыша как угодно, а Гекуба будет думать о сыне только как об Алаксандусе. Это значит «защитник людей».

Боги показали ей возможное будущее — разрушение, которое надлежит предотвратить, не считаясь с ценой. Должна неусыпно бдеть, охраняя ребенка, воспитать из него сильного и добродетельного человека. Ей нужно сделать так, чтобы Алаксандус был достоин своего имени.

* * *

Успехом попытки Гекубы взрастить из Париса Алаксандуса не увенчались. Мальчик был больше склонен к удовольствию, нежели к битве. Рассказы о его развлечениях достигли ушей матери еще прежде, чем появился первый пушок на его верхней губе. Слуги прищелкивали языками и ухмылялись, шепотом обмусоливая в дворцовых коридорах выходки царевича. Его многочисленные братья и сестры, рожденные Гекубой или отцовскими наложницами, журили его со снисходительным раздражением. Царь Приам, близоруко щурясь и ероша волосы сына, когда супруги не случалось поблизости, предостерегал его от чрезмерности. Парис смущенно склонял голову, обворожительно улыбался и продолжал в точности как прежде.

Дни напролет царевич рыскал по деревням, усеивавшим Скамандрскую равнину, и пребывал в восхищении от немудрящего гостеприимства крестьян и теплых объятий их дочек. Он бездельничал целыми днями, переплетаясь на поле то с одним молодым податливым телом, то с другим. Не многие могли устоять перед безмятежным красавцем с оливковой кожей и улыбающимися очами, заставлявшим вздыхать тех, кто нес бремя потяжелее.

Бесчисленные слезы — цена удовольствий Париса. Но не он проливал их. И намерений навредить, надавать пустых обещаний никогда не имел. Просто так складывалось: его прикосновение, взгляд, слова страсти ранили

глубоко. И любовная связь иногда прерывалась слишком поздно.

Гекуба винила друзей Париса, что сбивают сына с пути. Винила его братьев. Его любовниц.

Позже она стала обвинять Елену.

Мы все обвиняли Елену.

* * *

Елена — младшая из дочерей царя Тиндарея из Лакедемона, прелестная и резвая, — любила танцевать, кататься на колеснице и надевать материны юбки и украшения. Царица Леда только снисходительно улыбалась. Елену очаровывали рискованные приключения героев, о которых пели сказители. Но ничто не доставляло ей большего удовольствия, чем сидеть у ног отца, пока он, глядя ее по волосам, рассказывал истории об их знаменитых предках и рассуждал о ее прекрасном будущем.

Вскоре Тиндарей должен был открыть двери перед ее женихами. Елена убедила отца позволить ей самой выбрать себе мужа — если они с матерью одобряют ее решение. Она уже представляла себе высокого красивого юношу с вьющимися черными волосами и искрящимися глазами. И не сомневалась, что родители примут его. Елена никогда не испытывала разочарования — до тех пор, пока в Лакедемон не прибыли чужеземцы.

Хотя Тиндарей их не приглашал, пир, как того требовало гостеприимство, был устроен. Предводители заняли места за царским столом, воины расселись за маленькими круглыми столами. Присутствовала и Елена, хотя девушке не место на подобном пиру, но Тиндарею пришлось удовлетворить пожелание предводителя чужеземцев. В конце концов, Агамемнон из Микен — самый могущественный царь во всей Ахее. Но Елена верила, что это ненадолго.

Скоро, очень скоро ее отец выступит против Агамемнона и отомстит ему за прошлые злодеяния, мудро выбрав момент, и она насладится унижением микенцев.

А пока можно и развлечься.

Елена поднесла чашу к губам и, оглядев зал в поисках приза, встретила взглядом с молодым микенским воином. Тот смотрел на нее, и губы у него задрожали, а кадык заходил ходуном. Сдерживая смех, Елена, будто испуганный олень, замеченный ею на охоте, распахнула глаза, а после опустила взгляд с невинностью своих четырнадцати лет. Молодой воин сглотнул и, потянувшись за вином, опрокинул кубок.

Опьяненная дурманящей властью, Елена искала новую цель. Толчок — и чаша выпала из ее пальцев. Агамемнон подхватил ее и сунул рабыне, чтобы та налила еще, а после звучно поставил на стол — пурпурное вино выплеснулось через край.

— Выпей, девочка, — с нажимом произнес царь Микен.

Елена сделала глоток, и ее щеки заалели под слоем мела и румян: вино разбавлено непривычно, как для мужских застолий, и в животе пусто. Жарившиеся в огромном центральном очаге куски говядины и баранины еще даже не нарезаны.

Елена улыбнулась, чтобы подбодрить отца, чье лицо стало пепельно-серым, — сидя во главе стола, он наблюдал за этой сценой. Тиндарей, уводя дочь с женской половины перед началом пира, попрекнул ее за разорение материнской косметики. Елена почти не слушала — ее сердце уже билось в такт крикам и грохоту веселья, — но кивнула, а на ее щеках появились ямочки.

Теперь пальцы Тиндарея с побелевшими костяшками сжали кубок. Царь стукнул им по столу, бронза глухо ударилась о дерево. В зале воцарилась тишина.

— Воины Микен, добро пожаловать в Лакедемон, — произнес он официальное приветствие. — Прежде чем приступить к еде, мы должны вспомнить священный закон ксении¹.

Агамемнон пожал плечами.

— Почему бы нет?

— Когда мужчины садятся за стол в качестве гостей и хозяев, — продолжал Тиндарей, — они приносят клятву вечной дружбы. Зевс Ксениос, хранитель гостеприимства, покарает того, кто нарушит эту клятву. Ешьте в моем доме, микенцы, и станьте братьями лакедемонянам во веки веков.

Елена во все глаза смотрела на отца. Она не предполагала, что он способен лгать, да еще и так виртуозно.

— Как это верно, — изрек Агамемнон. — И я намерен сделать нашу связь прочной вдвойне, прежде чем покину твой дворец. — Его рука под столом коснулась бедра Елены.

Тиндарей нахмурился. И поднял кубок в знак начала пира.

Застольное поведение Агамемнона оказалось настолько же неприятным, как и его бесцеремонные руки. Елена старалась не слушать, как с изяществом кабана поглощал он похлебку, из кабана же приготовленную. Струйка жира стекала с его тонких губ на жесткую медно-рыжую бороду.

Сидевший напротив микенец, прежде внимания Елены не привлекая, подтолкнул к Агамемнону корзину с лепешками. На ее взгляд, чертами лица он слишком напоминал своего царя, хотя был бледнее и с волосами цвета чечевицы. Словно почувствовав, что Елена наблюдает за ним, микенец покраснел и отвел взгляд.

¹ Ксения (*греч.* ξενία [kse'ni. a]) — древнегреческая концепция гостеприимства. Почти всегда переводится как «дружба между гостями и хозяевами» или «ритуализированная дружба». Хозяева должны были предлагать своим гостям защиту, пропитание и развлечения, в то время как гости должны были быть уважительными и не злоупотреблять щедростью хозяев. (*Здесь и далее примеч. перев.*)

Агамемнон вытер жирный рот куском лепешки. С его нижней губы свисало мясное волокно.

— Неплохой пир, Тиндарей. Похоже, у вас меньше угонщиков скота и овец, которые беспокоят ваши стада, чем у нас на Аргивской равнине. Моя цель — сокрушить соседей-воров, которые разрывают на части Ахею.

— Достойная цель, — одобрил Тиндарей.

— Рад, что ты согласен. Ахейцам нужен правитель, который объединит их.

Кубок замер на полпути к губам Тиндарея.

Глаза Агамемнона заблестели.

— Представь, как возвысилась бы Ахея при подобном царе. Держава, достаточно могущественная, чтобы соперничать с Египтом и Ассирией. Соперничать с Землей хатти.

Воодушевление Елены испарилось, как дурмящий аромат духов. Агамемнон хотел, чтобы ее отец поддержал его, помог обрести неслыханную власть? Да он должен унижаться перед Тиндареем, испрашивать прощения за свои преступления против ее семьи, чтобы войска Тиндарея не погнали его из Ахеи, как жадного пса, каким он и является.

— Так вот почему ты здесь? — требовательно спросила Елена. — А не припомнишь ли Танта́ла?

Агамемнон приподнял густую бровь.

— Твоя дочь говорит без разрешения?

— Тише, дитя, — остановил Елену Тиндарей. Он протянул свой кубок за еще одной порцией вина. Мясо перед ним лежало нетронутым.

Взмахнув рукой, Елена с грохотом опрокинула на стол свою тарелку. Та покати́лась и задела локоть воина с волосами цвета чечевицы. Агамемнон недоуменно фыркнул. Тиндарей поморщился.

Родители не говорили с ней о смерти Танта́ла, но Елена точно знала, как все произошло. Слышала, как слуги шептались об этом в коридорах. Внутри у нее все до сих пор тре-

петало при воспоминании о том, как в день бракосочетания Тантал застенчиво поглядывал на ее сестру, свою невесту. Но Агамемнон ворвался во дворец царя Тантала, убил его и младенца-наследника. И, не удовольствовавшись узурпацией трона, Агамемнон насильно женился на Елениной сестре, не дожидаясь, пока высохнут ее слезы.

Елена подозревала, что Клитемнестра не станет горевать чрезмерно. Старшая сестра, презрительно посмеиваясь над ее мечтой о черноволом царевиче с сияющими глазами, вроде Тантала, часто хвасталась, что выйдет замуж за доблестного военачальника.

— Тебе дурно? — обратился к Елене микенец с волосами цвета чечевицы. — Ты ничего не ешь. — Он опустил взгляд, как только она подняла на него свой.

— Я не сомневаюсь, ты пробудишь ее аппетит. Как тебе мой брат, девочка? — Агамемнон толкнул локтем Елену в руку. — Красавец, правда? Менелай — мечта любой девушки.

Елена рассматривала покрасневшего Менелая. Совсем не красавец, и уж точно не ее мечта. Младше Агамемнона, но для нее староват, ему явно за двадцать. Удивительно светлокожий, такими часто бывают ахейские военачальники, луноликий и веснушчатый, — его обрамленное косами лицо выглядело ничуть не привлекательнее, чем будто высеченная из камня физиономия его старшего брата. Телосложением Менелай тоже проигрывал Агамемнону: покатые плечи, мышцы скрыты слоем жира.

Под пристальным взглядом Елены румянец залил мочки ушей микенца и добрался до линии роста волос. Ее внимание ему явно не нравилось, и, похоже, вовсе не хотелось смотреть на нее. Ну ничего, после ужина дворцовый аэд исполнит свои гимны, воспевающие красоту Елены. И тогда Менелай пожалеет о своей грубости. Одних только гимнов, превозносящих блеск ее глаз, сложено больше, чем принял

ванн Агамемнон! А как прекрасны гимны, восхваляющие безупречный цвет ее лица, изящество и пропорциональность фигуры и то, как ее волосы цвета темного меда сверкают на солнце! Ими Елена особенно гордилась — и даже уговорила мать позволить ей отрастить роскошную длинную прядь, сбрав остальное, как и полагалось девочкам.

У жены Менелая, верно, лицо как у лошади, тянущей колесницу. И юные красавицы напоминают ему о его несчастье. Елена хихикнула. Да что ей до того? Очень скоро отец выпроводит его вместе с братом из Лакедемона, если не из самой Ахеи, и снова станет подвластен ее чарам. Пора подыскать ей достойного мужа. Отец никогда не мог устоять перед улыбкой Елены или легкими поцелуями, которые она оставляла на его макушке, там, где редели волосы. Тиндарей представлял приглянувшегося дочери юношу таким же красивым, как Тантал, и таким же добрым, как он сам.

Рабы снимали с треног и уносили пустые котлы, убирали со столов обеды и посуду.

Агамемнон обхватил Елену за плечи мощной рукой.

— Тиндарей, вели аэду пропеть о том, как Тесей соблазняет Ариадну на глазах ее отца. — Его горячее дыхание, пахнущее вином и диким чесноком, коснулось щеки Елены. — Тебе понравится эта песня, девочка.

Когда Тиндарей кивнул с непроницаемым лицом, аэд поднялся с табурета у очага, где просидел весь пир, впитывая причудливые речи окружавших его воинов, снял свою лиру с колышка на стене. Расхаживая по залу, он сплетал историю не столько о соблазнении, сколько о злополучной любви царской дочери Ариадны к Тесею. Агамемнон разочарованно вздохнул, отпустил Елену и забарабанил пальцами по столу.

Серебряный голос аэда зачаровал Елену. Она представила себя Ариадной, прекрасной дочерью критского царя. Околдованная богиней любви царевна отдала свое сердце

афинянину Тесею, гостившему у них другу отца. Но того занимало нечто большее, чем любовь: намерение завоевать Крит. Елена даже представить себе не могла выбор тяжелее и мучительней, чем тот, перед которым стояла Ариадна: предать возлюбленного, раскрыв его план, или отца, промолчав.

И Ариадна сделала выбор. Укрыла Тесея в лабиринте под дворцом, вручив ему путеводную нить. Воины ждали проводителя на побережье. По его сигналу вернулись и силой захватили дворец. В пылу сражения они разрушили святилище вечно юного Диониса, и тот потребовал возмещения — Ариадну. Тесей принес ему жертву — оставил спящую царевну на священном острове.

Упиваясь скорбью, внимала Елена словам аэда, тщетно пытаясь предугадать, чем закончится песнь — не каждому капризные музы дарят истину, не каждому хватает мудрости расслышать их шепот, — не замечая взгляда из-под полуприкрытых век, которым мерил ее воин с каштановыми волосами, сидевший за небольшим столиком по соседству; на губах его играла холодная улыбка. Елена представила, как Ариадна приставляет кинжал к своей груди, как сверкает бронза.

Аэд тихим задыхающимся голосом смертельно раненой царевны окончил песнь:

— Мы, смертные, обречены. Сияем краткий миг. На встречу с гибелью любовь меня торопит.

Минута тишины сменилась одобрительным гвалтом. Воины застучали ладонями по столам, затопали. Тиндарей снял с большого пальца кольцо из электрума¹ и помазал к себе аэда.

— Вполне заслуженно, — произнес Менелай с мечтательным выражением на пухлом лице.

¹ Электрум — природный сплав серебра и золота.

Агамемнон скривил губы.

— Пусто и слащаво.

— И все же тронуло? — Воин с тяжелыми веками за соседним столиком улыбнулся скорее Елене, чем Агамемнону, и повернулся к Тиндарею: — Я Одиссей, царь Итаки. Считаю честью называть себя другом и советником Агамемнона.

Тиндарей рассеянно кивнул.

— Меня осенило, когда я слушал твоего аэда, что даже самые сильные мужчины беспомощны против богини любви. — Одиссей улыбнулся. — Агамемнон, отвовав трон Микен у своего двоюродного брата Тантала, не в силах был устоять перед твоей прекрасной дочерью Клитемнестрой. Прямо Тесей и Ариадна.

— Если бы богам было не по нраву, что Клитемнестра достанется мне, — с угрозой заговорил Агамемнон, — они пощадили бы этого маленького засранца-узурпатора, Тантала. Я мог бы выгнать ее вон, когда забрал то, что принадлежит мне по праву. Мог продать ее — поле, вспаханное моим врагом. Но она мне нравится. Так что будь благодарен, Тиндарей. Если кто и должен затаить обиду, так это я, а не ты.

Трясущимися руками Тиндарей поднял свой кубок.

— Обиду?

— Ты выдал Клитемнестру замуж за моего родича после того, как он украл трон, который унаследовать должен был я. Я сказал себе, что, наверное, Тиндарея не интересуют дела женихов его дочерей. Или никто не приносит новости в его маленькую крепость на холме в Лаконии. — Агамемнон скрестил руки на своей бочкообразной груди и выставил вперед подбородок. — Менее великодушный человек счел бы тебя своим врагом.

В мерцающем свете установленных в нишах ламп кожа Тиндарея стала казаться серой. Елене до боли хотелось по-

дойти к отцу, положить руки ему на плечи, но тогда его мучители сочли бы его еще слабее.

— Мой великодушный друг Агамемнон сжалился над Клитемнестрой. — Голос Одиссея был беззаботен, а выражение лица — как у заядлого игрока. — Женился на ней и признал своей царицей — царицей Микен. Счастливица. Живет в роскоши и ни в чем не испытывает недостатка. Ни один караван мулов, что идет на полуостров с материка и обратно, не минует сокровищницы Агамемнона. Он создает и разрушает судьбы ахейцев. Ты, конечно, хотел бы такой же блестящей партии для Елены?

Взгляд Елены метнулся к невозмутимому лицу Одиссея. Что ему до ее женитьбы? Не найдя ответа, она снова обратила внимание на отца, чья грудь тяжело вздымалась под белой туникой. Тиндарея всегда огорчала мысль потерять и младшую дочь.

— Довольно любезностей, — изрек Агамемнон. — Менелая нужна жена. Здоровье и внешность Елены устраивают меня. Она произведет для дома Атрея сильных сыновей.

Елена лишилась дара речи. Менелай — ее жених? Это немыслимо. Она хотела не его, багроволицего тупого вола, а очаровательного Тантала. Ее отец никогда этого не допустит! Или... Елена заметила, как повеселели лица воинов Агамемнона, и глубоко вздохнула. Предложение с привкусом сала и винного перегара.

— Ты будешь наставлять Менелая в управлении Лакедемоном, и, когда придет время... — Трещина кривой ухмылки расколола гранитное лицо Агамемнона между носом и медной бородой, напомнив Елене о том дне, когда Сотрясатель Земли Посейдон разорвал склон красного холма и разрушил часть дворца. Вот и теперь ее мир содрогнулся. — Мудрый возничий всегда знает, когда передать бразды правления.

— Отец! — воскликнула Елена. Почему он молчит, почему еще не отказал им? Тиндарей был похож на одного из слепцов, что бродят из зала в зал, распевая песни, чтобы заработать на кусок лепешки. Их молочно-белые глаза ничего не видят и видят все.

— Я мог бы, если б того захотел, предъявить свои права на Лакедемон, — повысил голос Агамемнон. — Моя жена — твоя старшая дочь, и Одиссей заверил меня, что у тебя по дому не бегают бастарды, которые могли бы заменить тебе сыновей, сгинувших в драке. Но разве я могу находиться сразу везде? Менелай неплохо справится с управлением Лакедемоном. — Он откинулся на спинку стула. — Итак, мы решили за тебя проблему наследования.

— Менелай заплатит прекрасный выкуп за невесту, — добавил Одиссей, чем заслужил недовольный взгляд Агамемнона. — Кладовые в Микенах переполнены драгоценностями и горшками с ароматным маслом. И оружие есть, любое. А какой другой город больше славится своей шерстью?

— Ты думаешь, мой отец обменяет меня на мешок шерсти? — вскричала Елена. *Скудоумный чужак с каменным лицом.*

Наконец отец взглянул на нее. Она кивнула, чтобы зажечь искру в его полных безнадежной тоски глазах.

— Ей слишком рано, — сказал он.

Агамемнон обшарил Елену взглядом с ног до головы.

— На мой вкус, вполне созрела... для деторождения.

Его воины — гости. Елена заставила себя расправить плечи и поднять подбородок.

— Самый могущественный дом Ахеи выбрал обеих твоих дочерей, — звучно произнес Одиссей. — Радуйся своей великой удаче, Тиндарей. Подумай о богатстве Агамемнона и его обширной армии. Подумай о том, что все воины, собравшиеся здесь, в твоём зале, — ее малая часть. Разве ты не предпочел бы быть его другом в эти смутные времена?

— Отец, нет! — Елена вскочила. Ей до боли захотелось броситься в объятия Тиндарея и прижаться к его груди. Пальцы Агамемнона впились в ее запястье и потянули на место.

Она чуть не заплакала, услышав тихий прерывающийся голос отца:

— Тогда... Я должен согласиться.

Против своей воли она повернулась к Менелаю. Тот замерз и опустил голову. Отвращение заполнило Елену до краев. Жалкий, ничтожный человечешко.

Одиссей улыбнулся с искренностью раскрашенной статуэтки.

— Менелай просит для меня небольшой награды за то, что я внес вклад в создание этого счастливого союза. Красота и скромность присущи твоей семье, Тиндарей. Слава твоей племянницы Пенелопы гремит повсюду, предвосхищая ее появление на моем острове. Я хотел бы, чтобы она последовала за мной. Ожидают ли меня на этом пути какие-либо препятствия?

Судя по рычанию воинов Агамемнона, они умели преодолевать любые препятствия.

Словно сквозь густой туман, Елена услышала, как ее отец ответил:

— Я... полагаю, нет.

Смех Агамемнона прогремел сквозь туман подобно удару грома.

— Так, так. Вернемся к сути дела. Я планирую расширить стены моей цитадели, Тиндарей. Это дорогостоящее дело, требующее много времени. Я подумал, что в качестве приданого ты мог бы выделить несколько жителей твоей обширной равнины.

— Ты имеешь в виду, отдать моих людей тебе в рабство? — Тиндарей медленно покачал головой. — И я не понимаю, зачем приданое Елены везти в Микены.

СЬЮЗЕН С. УИЛСОН

ЕЛЕНА ТРОЯНСКАЯ. ВОЗМЕЗДИЕ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Янина Забелина
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Семенова, Людмила Виноградова

Подписано в печать / Баспага кол койылды 08.06.2026.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 31,36. Заказ №

Изготовитель:	Өндүрүш:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШК —
обладатель товарного знака	ИНОСТРАНКА®
ИНОСТРАНКА®,	тауар белгісінің несі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т. ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01,	Тел. (495) 933-76-01,
факс (495) 933-76-19	факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШК филиалы,
195112, Малоохтинский пр-т, д. 68	195112, Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

18+

R-60T-37416-01-R